

А. А. Скворцов

**Социология Александра Зиновьева:
между логикой и этикой**

1

Рассказ о своем понимании социологии Александра Александровича Зиновьева я бы хотел начать с одного личного воспоминания. Когда-то мне приходилось вести Интернет-форум, посвященный философской этике. Обсуждение различных теоретических проблем и житейских ситуаций велось гостями форума достаточно вяло: видимо, Интернет и этика с большим трудом связывались в сознании обитателей виртуального мира. Оживление наблюдалось только в том случае, если кто-то заводил речь о философии А. А. Зиновьева. Простое упоминание имени профессора кафедры этики внезапно заставляло доселе пассивных читателей вступать в острую дискуссию. И как всегда бывает во всех спорах вокруг наследия А. А. Зиновьева, стороны делились на два примерно равных по численности лагеря: критиков и единомышленников. Правда, и те и другие — и это тоже характерно для полемики на данную тему — имели весьма поверхностные представления о социологии и логике Зиновьева. Как правило, они были склонны обсуждать факты биографии философа или идеи, ему приписанные и при этом весьма искаженные. Однако среди остальных выделялся человек, который, судя по его замечаниям, был более других осведомлен о некоторых идеях социологии Зиновьева. При этом он относил себя к числу ее противников. На мои расспросы о причинах такого отношения он отвечал, что не может принять ее из-за одной важнейшей идеи автора. Якобы Зиновьев

считает человека законченным эгоистом, знающим только свой собственный интерес и готовым ради собственной выгоды вредить своим ближним. Более того, он утверждал, что Зиновьев не просто фиксирует этот факт, но и проповедует такое поведение как единственно правильное. Поэтому он считал социологию нашего знаменитого соотечественника бесчеловечной.

Признаться, только после этого случая я принялся за серьезное изучение философии А. А. Зиновьева. Никак сам его образ, его сложная жизнь и сама направленность размышлений не соответствовали навешенному ярлыку. Много раз он повторял, что не желает проповедовать, а желает изучать; не занимается оценками социальных явлений, а стремится рассматривать их объективно, отвлекаясь от идеологических установок. Наконец, я слышал, что у Александра Александровича есть своя этика — учение о житии, что само собой противоречило взгляду на его идеи как бесчеловечные. Когда же по мере изучения мне стало открываться идейное богатство логической социологии А. А. Зиновьева, я не просто убедился в абсурдности брошенного обвинения (это было и так очевидно заранее), но этот случай помог мне убедиться в истинности одного из ее положений. Вместо того чтобы самим изучать социальные явления, люди склонны приписать свои смутные представления о них тем, кто действительно пытается это делать. Но поскольку научные выводы о социальной реальности не могут нравиться всем ее действующим лицам, то недовольные предъявят ученому самые жестокие обвинения. Собственно, так и случилось с социологией самого А.А. Зиновьева.

Конечно, не только наследию Александра Александровича не повезло в наше время. Ни одно из серьезных теоретических учений наших современников не обсуждается сегодня публично и со знанием дела. Во-первых, из-за того, что отечественные мыслители всегда находятся под подозрением в интеллектуальной неполноценности в кругу своих же коллег. Мол, на Западе есть подлинное философское мышление и есть что обсуждать, а у нас по определению ничего хорошего быть не может. Во-вторых, как лавина с гор хлынуло наше пишущее и говорящее сообщество осваивать огромные возможности виртуального пространства. Если в мире печатного слова от написания статьи до ее опубликования в журнале проходит в среднем года полтора, то в электронном мире можно сегодня написать, сегодня же поместить, завтра получить отклики, а послезавтра ответить оппонентам. Это увлекает и заставляет втягиваться в бесконечную интеллектуальную игру. Сегодня люди пишут гораздо больше, чем читают, зарабатывая

своим агрессивным письмом место под солнцем. В такой обстановке серьезное изучение логической социологии А. А. Зиновьева просто невозможно. Дабы держаться на уровне философских форумов, достаточно прочитать интервью ее автора, раскритиковать пару его идей, после чего прослыть знатоком социологии Зиновьева. Для серьезного, объективного анализа этого явления требуется значительное время, пока наше философское сообщество не наиграется в журналистику.

Данный очерк не является попыткой строгого научного анализа социологии А. А. Зиновьева. Я не могу сказать, что сумел досконально изучить и понять ее, хотя и приложил немало усилий для этого. Мне бы хотелось сказать о значимости некоторых идей социологии А. А. Зиновьева и показать, насколько они актуальны и во многих аспектах удивительно точно отражают социальную действительность.

2

Социология А. А. Зиновьева носит название логической. Допускаю, что многих такое заглавие книги заставит скептически улыбнуться. Однако речь идет не об очередной попытке применить законы логики к социальной реальности. Прилагательное «логическая» потребовалось автору для обозначения методологической установки: если мы желаем создать строгую научную теорию общества, то должны следовать правилам, свойственным для логики. Во-первых, требуется раз и навсегда отказаться от идеологических установок и не считать какие-либо положения заведомо истинными, если это принято общественным мнением. Во-вторых, необходимо каждому термину, используемому для обозначения социальных явлений, придать строгий смысл. Следствием, вытекающим из второго условия, должно стать создание непротиворечивого языка, годного для описания современных событий. Причем А. А. Зиновьев подчеркивал, что создание такого языка — задача не менее сложная, чем конструирование самой социологической теории. Язык, на котором сегодня пытаются общаться различные социологические направления, загрязнен до невозможности. Наука, как одна из сторон духовной деятельности человека, не смогла избежать разрушительного влияния массовой культуры, что проявилось в первую очередь в заимствовании популярной лексики, годной только для журналистских репортажей. Кроме того, влияние идеологических установок, других, стремительно развивающихся наук, а также дилетантизм ученых, ставший следствием массовости этой профессии, сделали язык науки совершенно не-

пригодным для описания сложных явлений. «Точки бифуркации», «принципы дополнительности», «искривления пространства» коcząт из одной области в другую и применяются для объяснения совершенно несопоставимых явлений. Поэтому создание непротиворечивого, ясного научного языка становится первостепенной задачей ученого-социолога. И А. А. Зиновьев не пожалел ни времени, ни сил для достижения поставленной цели. Очевидно, что отмеченная многими простота его социальной теории стала следствием этой титанической работы.

Однако работа по совершенствованию языка, называемая автором «логической онтологией», является лишь начальным этапом логической социологии. Второй стадией социальной науки — не менее важной и трудоемкой — является логическая обработка методов научного исследования. В принципе, согласно А. А. Зиновьеву, самым главным методом социального познания следует считать наблюдение. Эксперимент и моделирование в социальной реальности по понятной причине могут быть только мысленными, но они, как и другие общенаучные методы познания, станут эффективны лишь в том случае, если будут применены к достоверным данным. Такое положение дел в социальных науках содержит как минусы, так и плюсы. Минусы в том, что мы не можем произвольно перенести социальный объект в иные условия и тем самым уточнить его ключевые характеристики. Мы можем только представить такую ситуацию, т. е. находиться на уровне более или менее достоверных гипотез. Но плюсы — в том, что для наблюдения не требуется ничего, кроме решимости исследователя добиться истины. В случае соблюдения нехитрых логических правил проведения наблюдения мы получим достоверные данные. Трудности начнутся потом, когда окажется, что добытые данные расходятся с принятой точкой зрения в структуре господствующей идеологии. Основной задачей в таком случае станет не сделать поправку в своих выводах на расхожие представления о предмете.

В качестве иллюстрации к базовым посылкам своей социологии Александр Александрович любил приводить на лекции такой пример. Допустим, мы оказались в совершенно незнакомом обществе, но желаем узнать о нем за короткое время как можно больше. Что мы должны делать? Внимательно изучить несколько местных газет, после чего мы узнаем о самых острых проблемах этого общества, о его социальной организации, управленческой структуре, системе ценностей и т. д. К примеру, откроем несколько московских районных газет. Чему посвящено 90 % рекламной информации? Предложениям, связанным с покупкой и продажей

недвижимости. Отсюда можно сделать вывод, какой бизнес в городе самый прибыльный и на какие доходы существует городская элита. А чему посвящено 90 % статей в этих же газетах? Острым социальным проблемам: преступности, безработице, бедности, бесхозяйственности, жалобам на низкий уровень образования и здравоохранения. Отсюда напрашивается вывод об уровне и качестве жизни людей. При желании можно продолжить наблюдение дальше. Кто на страницах прессы, как правило, комментирует перечисленные социальные проблемы? Начальники среднего и высшего звена, а не те, кто непосредственно должен отвечать за данный участок работы. Этот факт нам иллюстрирует ряд характеристик системы управления. Но так как комментарии высоких персон редко имеют что-либо общее с действительностью, а решения, предлагаемые ими, мягко говоря, малоадекватные, то можно составить представление о профессиональной компетенции управленческих кадров и мере их владения информацией о происходящих событиях.

Каковы же правила, лежащие в основе методологии логической социологии? Остановимся только на самых важных из них, не позволяющих исследователю сразу пойти по ложному пути. Во-первых, социолог должен исследовать не вымышленные, а реальные объекты социальной действительности. Это, казалось бы, элементарное правило чрезвычайно трудно реализовать на практике. Иногда действительность и вымысел настолько переплетены, что разделить их может только исключительно осведомленный в данной области человек. В этой связи приходит на ум творческая неудача неких исследователей, решивших составить новый атлас дорог одного отдаленного российского региона. Они проделали долгий и трудный путь к месту работы, но когда приехали, то выяснили: дороги там практически отсутствуют, хотя все справочники указывали достаточно разветвленную дорожную сеть. Но особенно трудно различимы реальность и вымысел в обществах с развитой идеологической сферой. Так, А. А. Зиновьев, по собственному признанию, посвятил всю свою сознательную жизнь исследованию реального, а не идеологического коммунизма.

Второе важнейшее правило логической социологии непосредственно вытекает из первого. При работе с социальными фактами надо следовать не только правилам логики и методологии науки, но и элементарному здравому смыслу, а также прислушиваться к народной мудрости. Последнему фактору А. А. Зиновьев придавал особое значение. По его словам, обычные люди значительно лучше, чем высокие начальники, видят все многообразие социальной жизни, пос-

кольку вынуждены сталкиваться с ее тяготами каждый день. У них накоплен огромный опыт приспособления к социальным реалиям и понимания их сущности и причин. Социология, не желающая учитывать обыденную точку зрения, обречена витать в облаках.

Третье правило также непосредственно связано с двумя первыми. При исследовании сложных социальных объектов мы должны изучать только самые яркие и показательные экземпляры. Таким путем можно вычлениить их сущностные характеристики. Если же показательных примеров не находится, то, скорее всего, мы имеем дело с вымышленным объектом. Наконец, еще одно требование — не последнее, но ключевое — можно назвать «принципом антиисторизма». А. А. Зиновьев утверждает: множество ошибок и путаниц в социальных исследованиях происходит из-за того, что исследование сущности объекта заменяют изучением его истории. Это не значит, что мы должны вообще игнорировать развитие объекта во времени, но, обращаясь к его истории, мы должны иметь в виду по крайней мере два соображения. В различные исторические эпохи одинаковые, казалось бы, социальные объекты могли иметь совершенно различные характеристики. Античный город и современный — не одно и то же. В их основу положены различные принципы устройства и функционирования. Кроме того, мы должны понимать, что история часто (если не всегда) сфальсифицирована в интересах различных сил. Возможно, под именем одного объекта в определенный исторический момент скрывалось совершенно иное явление, а может быть, наличие этого объекта просто декларировалось, но в реальности его не существовало. Поэтому, осуществляя социальное исследование, мы должны сначала составить научное понятие объекта и только потом обращаться к его истории.

3

Рассмотрев ключевые методологические принципы логической социологии А. А. Зиновьева, посмотрим, как пользуется ими автор для построения собственной социологической концепции. Для этих целей обратимся к ее основополагающим понятиям, составляющим различные уровни теории. Сначала рассмотрим самое первичное понятие — социальный атом, затем перейдем к авторскому пониманию самой социальности и, наконец, дойдем до законов, по которым социальные атомы вынуждены существовать в этой реальности.

В современной социологии, восходящей своей методологией к М. Веберу, установился взгляд на общество как реальность,

отличную от физического и органического мира, а также внутреннего, духовно-личностного мира человека. Получается, что социум — это особый вид реальности, созданный в результате совместной деятельности индивидов. Но только каких индивидов? Какие характеристики, составляющие его личность, можно игнорировать, а какие следует рассматривать в качестве факторов его социального действия? И существуют ли эти — сугубо личностные, не социальные черты внутреннего мира? Вопрос социальной антропологии выходит за рамки социологии и принадлежит социальной философии. Но как бы ни решался этот вопрос, как бы различные философские направления не представляли индивида, действующего в обществе, в любом случае речь идет о редукции личности к определенной модели. Таков человек — совокупность общественных отношений К. Маркса, таков человек, стремящийся к рационализации своей жизни М. Вебера, таков индивид, обреченный сидеть в темнице культуры З. Фрейда. Таким образом, оппоненты, критиковавшие А. А. Зиновьева за понятие «социальный атом», которое якобы является непозволительной редукцией, не понимают одну из драматических проблем социальной философии.

Так что же представляет собой человек как социальный деятель в философии А. А. Зиновьева? Его обозначение «социальный атом» — это унижение или возвышение? Для биологии, психологии, антропологии, медицины и целого ряда иных наук, считающих человека своим главным предметом, он не может быть атомом. Атом — по определению нечто более не делимое, а для указанных наук человек — грандиозная система. Тем не менее в логической социологии А. А. Зиновьева человек является далее неразложимым элементом социальной реальности. Ее автор отнюдь не склонен сводить личность к упрощенной модели. Он просто говорит, что для целей социологии мы должны рассмотреть только те свойства индивида, которые оказывают решающее воздействие на его поведение в обществе. Если же рассматривать все его характеристики и способности, то мы уйдем в дурную бесконечность и неизбежно превратим социологию в антропологию. Быть социальным атомом — не означает быть человеком безличным, наоборот, быть таковым означает способность к активной жизни в обществе и способность понимать и изменять это общество.

А. А. Зиновьев усматривает следующие социально значимые свойства индивида. Во-первых, наличие материального тела и сознания, а также способность второго управлять первым, из чего складывается поведение. При этом считается, что такими свойства-

ми обладают все социальные атомы; исключения в расчет не принимаются, ибо такие люди не могут оказывать значительного воздействия на общественную жизнь. Кроме того, все атомы обладают указанными характеристиками в равной степени; различия между ними определяются только исходя из положения в обществе. Во-вторых, следует подчеркнуть: атомы в обществе ведут именно сознательную жизнь. Человек всегда знает цель своей деятельности и делает все для ее достижения. Он отдает себе отчет во всех поступках, знает причины своих успехов или неудач и вполне разумно выстраивает стратегию собственной жизни. Быть сознательным — не означает быть сугубо рациональным существом. Своей цели можно добиться благодаря эмоциональному порыву и плохо продуманному поступку. Но главное: человек знает, что он желает получить от общества. Кто-то может сказать, что мы снова имеем дело с недопустимым обобщением. Не все люди отчетливо знают цель своей жизни, не все даже отчетливо понимают, чего они хотят от жизни. Однако трудно представить человека, лишённого всяческих желаний. Если бы такой и нашёлся, его вряд ли можно было бы отнести к обществу. Постольку, поскольку атом действует в социуме, он вынужден ставить и решать задачи, связанные с приспособлением к нему. Другое дело, люди бывают более активными и менее, более приспособленными и менее адаптированными. Наконец, следует указать такие социально важные свойства, как способность накапливать, сохранять и использовать материальную культуру и знания о мире, а также способность атомов к самоорганизации. Последняя характеристика указывает нам, что атом является именно социальным; его невозможно представить без общества себе подобных.

Исходя из характеристик, присущих атомам, можно сконструировать модель общества, которые они построят. Но для начала нам требуется уяснить, как в логической социологии трактуется сама социальность. Где проходит граница между индивидом и социумом, между атомом и группой атомов, которую мы с полным правом можем назвать обществом? Автора не устраивало понимание социальности как взаимодействия между двумя индивидами. Коммуникация может быть не только социальной, но и межличностной. Для того чтобы из общения индивидов родилось общество, требуются достаточные и стабильные основания. Под этот критерий не подходит марксистское понимание социального как совместной хозяйственной деятельности людей. Очевидно, надо добавить еще несколько связующих элементов, которые сделают из деятельности клеточку социального.

В логической социологии автор проводит следующие важные бинарные разделения. Все социальные объекты бывают либо простыми (элементарными), либо сложными. Простые — это социальные атомы. Сложные — это совокупность таких атомов. Сложные объекты, в свою очередь, делятся на скопления атомов, между которыми не наблюдается устойчивых связей, и их совместное пребывание в определенном пространстве случайно, и социальные множества, существующие в течение длительного времени благодаря устойчивым связям. Последним термином обозначаются именно различные структуры социума. Но для того чтобы социальное множество состоялось, оно должно соответствовать ряду признаков. И здесь мы встречаемся с достаточно оригинальным, необычным взглядом А. А. Зиновьева на сущность социального.

Первый признак социального множества достаточно традиционен и непосредственно связан с понятием социального атома. Люди собираются в подобные объединения сознательно, ради совместной деятельности и достижения собственных целей. Но этого недостаточно. Такое скопление станет множеством и будет способным совершать социальные действия, если сумеет создать в себе определенную структуру, дающую импульс к развитию. По своей сути эта структура является управленческой: она должна содержать в себе управляющий орган (мозг) и группу, согласную подчиняться и выполнять распоряжения. Причем руководящий орган может быть только один; в противном случае неизбежен конфликт между элементами и развал единого множества на несколько — по числу управляющих органов. Соответственно, управленческие решения должны касаться всех членов множества и не допускать наличие атомов, ведущих независимый образ жизни. Иначе они немедленно покинут данное множество. Для устойчивого развития указанного социального объекта требуется еще один фактор: происходит не только деление элементов на управляющие и управляемые, но и деление двух названных групп по ролям и функциям. Недостаточно просто управлять и подчиняться, требуется делать это в определенной области деятельности и в рамках конкретных обязанностей. В идеале — для долгого существования в мире себе подобных — каждый орган системы должен исполнять одну функцию и не смешивать ее с другими, а его способности должны соответствовать его положению в социальном множестве.

Может создаться впечатление, что А. А. Зиновьев отождествляет социальность с властными отношениями. На самом деле взаимодействие элементов носит несколько иной характер. Социальные атомы объединяются в множества добровольно, преследуя

исключительно свой интерес. Конечно, по мере усложнения системы у управляющего органа могут появляться рычаги воздействия на подчиненного, затрудняющие его уход из данного объекта. Но это уже свойственно зрелым социальным множествам. Пока же речь шла о самых первичных клеточках социальной реальности, которая предполагает постоянное появление значительного количества новых образований и разрушение не меньшего количества старых. Мы сейчас кратко обрисовали социальный объект в его статичном состоянии; на самом деле его важнейшая характеристика — событийность, т. е. участие в жизни себе подобных и решение насущных задач ради достижения поставленных целей.

Кроме того, мы рассмотрели социальные объекты абстрактно, т. е. отвлекаясь от совокупности их связей с другими объектами. В реальной социальной жизни не может существовать отдельных социальных атомов и отдельных первичных социальных множеств. И те и другие входят в состав более сложных объединений, образовавшихся в результате длительного развития общественных систем. В логической социологии выделяется три эволюционных уровня сложных социальных объектов: человек, общество и сверхобщество. Теперь попробуем проследить логику этого развития.

4

Наверное, только ленивый не критиковал А. А. Зиновьева за понятие «человек», утверждая, что оно является недопустимой литературной метафорой. Но эти критики действительно ленивы, ибо не приложили труда, дабы узнать, какой смысл вкладывал автор в этот термин. Сам автор иронично замечал: слово «человек» он образовал по аналогии со словом «муравейник», но это не свидетельствует о происхождении общества от муравейника или предположения, что социум устроен аналогично муравьиному сообществу. Если мы говорим о социологии, построенной на логическом фундаменте, то введение каждого термина должно быть строго обосновано. В данном случае ее автор пытался таким способом преодолеть лексическую неопределенность относительно понятия «общество». Этим словом обозначается слишком большой спектр явлений, но логическая социология не приемлет терминологической путаницы. Общество — это один из высших этапов развития социальных объектов, отличающийся длительным существованием, сложной структурой и множественными внутренними связями. С другой стороны, кратковременно существующие скопления атомов и первичные социальные клеточки — слишком нестабильные образования, чтобы предположить воз-

можность построения из них общества. Есть нечто среднее между начальным уровнем социальности и ее зрелым состоянием, некие стабильные образования, на которых будет держаться вся социальная система.

Таким образованием является человек. Кроме тех характеристик, которыми обладает первичное социальное множество, т. е. наличие совместной деятельности и вертикали управления, он отличается дополнительными свойствами. Обитатели человека живут единой исторической жизнью, из поколения в поколение воспроизводя себе подобных и саму структуру своего объединения. По сути, появление истории позволяет выделить его в качестве нового эволюционного этапа развития социальных структур. В своих лекциях А. А. Зиновьев отмечал, что для создания человека требуется не менее десяти поколений, на протяжении существования которых люди будут существовать как единое целое. Однако функциональные позиции, занимаемые социальными атомами в структуре управления и исполнения решений, не наследуются биологически, а приобретаются в процессе совместной деятельности. Кроме того, человек занимает определенную, достаточно устойчивую территорию, обладает значительной автономией внутренней жизни, заботится о средствах к существованию и стремится к самосохранению, отражая внешние угрозы. Немаловажным фактором также следует признать самоидентификацию жителей человека. Они осознают себя в качестве элементов единого целого, а обитатели других объединений такого рода также признают их принадлежность к целому. Каждый человек вступает в связи с себе подобными, сознавая себя как равноправный субъект таких отношений и преследуя свои цели. Из перечисленных признаков становится ясно, что многие социальные образования не могут претендовать на достижение столь высокого эволюционного уровня. Демонстрация, армейское подразделение, общество любителей старинных автомобилей, фанклубы и даже политические партии — не являются людьми. Все они могут присутствовать в нем как социальные явления, но не более того.

Какие же образования в таком случае можно считать людьми? Здесь следует отметить одну из сильных сторон социологии А. А. Зиновьева: он склонен рассматривать социальные явления в их динамическом состоянии. Поэтому простейшим человеком можно назвать семью, но только ту, которой удалось развиваться в крупный род, соответствующий указанным выше признакам. Семья, взятая абстрактно, не сможет подойти под эти

критерии, ибо не обладает длительной историей и развернутой совместной действительностью. Дальнейшими стадиями развития человеиника могли быть племена, союзы племен и т. д. Но все это — уже ушедший этап жизни современного общества. Сегодня они существуют в виде этносов. Именно народ — самое типичное проявление человеиника в наши дни. Тот факт, что сегодня наблюдается постепенное стирание национальных различий, свидетельствует о постепенном переходе человечества на следующий уровень эволюции, но все же не говорит о полном исчезновении человеиников. Тем более, по мысли А. А. Зиновьева, верхней эволюционной границей его существования следует считать не народ, а нацию — образование, которое способно создать государство и жить в нем в течение длительного времени. Этнос превращается в нацию благодаря идее гражданственности. В нацию могут входить различные этносы, которых устраивает совместная жизнь с другими народами, но все индивиды при этом должны и считаться, и признаваться гражданами единой державы. И здесь сообщество, образующее человеиник, обречено перейти на новый уровень существования социального множества.

Только следующий, более высокий уровень, с точки зрения логической социологии, может с полным правом называться обществом. Получается, что оно создается отнюдь не в результате взаимодействия индивидов, как это часто представляется в иных социологических построениях. Как мы видели, от взаимодействия атомов и до создания полноценного общества исторически пройдет длительное время, а сущностно — лежит целая пропасть. Общество формируется в результате налаживания устойчивых связей между человеиниками. А. А. Зиновьев не указывает точно, когда впервые в истории появились общества. Возможно, этого никто никогда не узнает. Важен сам факт, имевший колоссальное значение для всей цивилизации. В определенный момент времени человеиники объединились в единое целое. Не имеет значения, как этого удалось достичь: путем соглашения (теория общественного договора) или путем завоевания (теория насилия). Этот спор не имеет смысла, ибо обречен вечно оставаться на уровне гипотез. Главное, что союз человеиников, дабы функционировать длительное время, должен обладать зрелой структурой социального множества. Иными словами, в нем также должен выделиться руководящий слой и массив исполнителей, разделенных по своим функциям. Но как управление, так и реализация властных решений должны находиться на принципиально ином уровне — достаточном для сохранения составного целого. Так появляется

государство, и его выход на историческую сцену как раз и характеризует превращение человеичников в общество. С этого момента в логической социологии человеичники будут именоваться «предобществом». Важно понять, что не государство рождает общество и не общество государство. И то и другое порождает предобщества, объединившиеся для совместной жизни.

Наличие государства — необходимое, но недостаточное условие создания общества. Должны присутствовать также и другие условия существования социального множества, но на данном уровне они уже приобретают характер межгрупповых взаимодействий. Так, для достижения совместных целей собираются уже не социальные атомы, а крупные предобщества, но мотив у них остается тот же: реализация собственного интереса путем вхождения в могущественное объединение. Иным движущим мотивом может быть самосохранение. При этом группы могут вести достаточно автономное существование, но они должны брать на себя часть обязанностей по содержанию и функционированию всего общества. Конечно, интересы одной группы и всего объединения не совпадают полностью. Но общество родилось только там, где группы могли поставить общественный интерес выше частного. Наконец, требуется наличие единого, достаточно многочисленного народа, который бы мог объединить различные этносы в государство. В этом плане А. А. Зиновьев указывает на одну очень неудобную для политической теории вещь. В государствах, которые строились по национально-территориальному признаку и были согласны дать своим составным единицам относительную автономию, никогда не могло быть достигнуто равноправие между народами. Согласно закону функционирования обществ они также должны делиться на управляющих и подчиненных. Иначе государство ожидает немедленный развал. Пока деятельность доминирующего народа адекватна задачам сохранения и развития общества, данное социальное множество будет успешно развиваться.

Теперь следует кратко обратиться к социальной статике, говоря словами О. Конта. До сих пор мы касались сущности социальных объектов, но не рассматривали их внутреннюю структуру. В теории А. А. Зиновьева внутреннее строение сложных объектов получило название «социальная организация». Она одинакова и в предобществах, и в обществах; меняется только степень развития ее элементов. Именно она является базисом любого сложного социального объекта, а отнюдь не хозяйственная деятельность, как полагал марксизм. Социальная организация рождается в тот момент, когда элементы множества поделались по своим функциям. В сущ-

ности, она включает в себя все многообразие форм этого взаимодействия. Чем крепче связи между элементами, тем эффективнее социальная организация и тем крепче само множество. На нее могут влиять различные факторы: климат, положение среди соседей, материальная культура, характер народа и т. д. В принципе каждый этнос создает удобную для себя структуру, и на ней отражаются особенности национального характера. Поэтому не каждая, пусть даже самая замечательная социальная организация, подойдет конкретному государству. Пересадить ее на любую национальную почву без серьезного ущерба обществу — невозможно.

Социальная организация — явление сложное и многомерное. При самом первичном взгляде на нее можно отметить два аспекта: деловой и коммунальный. Первый обозначает сферу труда, направленного на сохранение общности. Причем труда тяжелого и утомительного, на который люди вынуждены соглашаться ради физического выживания. Второй аспект касается отношений людей, поскольку их много и они вынуждены считаться друг с другом. Здесь действуют свои законы, которые мы рассмотрим позже. Пока же заметим: с точки зрения логической социологии, в разных обществах доминируют различные аспекты. Так, в западном обществе доминировал деловой аспект, в коммунистической — коммунальный. Но это не значит, что другие сферы там не были развиты.

Помимо аспектов социальная организация делится на уровни. Их три: микро-, макро-, и суперуровни. Микроуровень — это область первичной деловой активности. Он появляется там, где есть взаимодействие хотя бы двух индивидов в течение длительного времени. Опять же для его наличия требуется, чтобы кто-то отдавал распоряжения, а кто-то подчинялся. На данном этапе социальности руководство происходит при личном контакте начальника с исполнителем. Границы и размер группы определяются возможностью одному начальнику ею руководить. Где такой возможности нет, единая группа делится на несколько, и между ними также устанавливается управленческая иерархия. Таким образом, с точки зрения логической социологии, социальное неравенство берет свое начало в самых элементарных клеточках общественной жизни и врожденно человеческой организации.

Макроуровень как обществ, так и предобществ включает в себя деятельность, затрагивающую масштабы всего социального множества. Здесь формируются органы самого общества, выполняющие его функции в качестве особого целостного организма. В человеческих обществах можно выделить четыре крупных элемента макроуровня: сферы власти, управления, хозяйства и менталитета. В обществах

эти составные части получают развитие в совершенно иных масштабах и именуются автором по-иному. Власть и управление объединяются в государстве, хозяйство превращается в экономику, а менталитетная сфера становится идеосферой, или идеологией. Каждая из указанных сфер получает в логической социологии свое толкование и скрупулезное рассмотрение; мы не будем на них подробно останавливаться. Укажем только, что А. А. Зиновьев предупреждает нас от рассмотрения какой-либо области макроуровня в качестве субстанциальной. В различных обществах может быть более развита та или иная сфера. Причем ее доминирование никак не будет влиять на темпы развития и качество жизни общества.

Наконец, суперуровень касается деятельности, выходящей за пределы отдельных сфер макроуровня, а также выходящей за пределы самого социального множества. Деятельность такого рода может затрагивать целую совокупность обществ или предобществ и тяготеет к созданию структур, доминирующих над ними. Суперуровень формировался уже на стадии человеичников, но набрал силу только в наше время, когда некоторые надгосударственные образования стали оказывать решающее воздействие на жизнь самих государств. Как на стадии существования предобществ, так и на стадии самих обществ эти процессы являются предвестниками наступления нового периода в жизни социальных объектов. Как и человеичники, общества также имеют свои эволюционные границы. Предел их развития составляют крупные национальные державы; в крайнем случае — создаваемые ими цивилизации. Но общества обречены перейти на новую стадию, именуемую сверхобществом. Об этом свидетельствуют процессы глобализации, ставшие в последнее время самым популярным объектом изучения социологии. Однако у А. А. Зиновьева было свое, как всегда, оригинальное мнение относительно появления сверхобщества. Он полагал, что первым образованием такого рода следует считать Советский Союз, где была отчетливо видна тенденция к стиранию национальных различий многочисленных этносов и созданию единого культурного типа советских людей. В этом плане западная цивилизация несколько отстала от российской.

Относительно стадий развития социума, отмечаемых в логической социологии, следует понимать один важный момент. Автор не указывает нам некое историческое момента, где общества заканчивают свое существование, уступая место сверхобществам. И та и другая форма социальных объектов существуют параллельно, в некоторых аспектах конкурируя, в некоторых аспектах сотрудничая между собой. Сейчас можно говорить лишь о некоторых

процессах в обществах, похожих на те, которые должны происходить в сверхобществах. Например, большинство населения занято уже не в деловой, а в коммунальной сфере: власти, управления, информации, пропаганды, масс-медиа и т. д. При этом возникает огромное количество всяческих внегосударственных, общественных организаций, обеспечивающих огромную социальную мобильность своим сотрудникам. Именно они расширяют деятельность определенных групп до общемирового масштаба, но, с другой стороны, такие организации позволяют сделать хорошо внушаемыми и манипулируемыми огромные массы людей. До невероятных ранее масштабов разрастается идеологическая сфера, включающая в себя электронные средства массовой коммуникации. Отныне идеологическому контролю подвергаются абсолютно все стороны и аспекты коммунальной сферы жизни людей. В этой связи А. А. Зиновьев утверждал, что наступление эры информационной цивилизации оборачивается для людей идеологическим рабством.

Однако наличие указанных процессов не означает стабильного вращивания какого-то конкретного общества в его сверханалог. До сих пор наблюдалось два пути к сверхобществу: коммунистический и западнистский. Но Советский Союз — первый исторический тип сверхобщества — не смог сохраниться как социальный объект; западнизм же находится только в начале пути. Тем не менее какой бы сложной ни была дорога общества на новую стадию своего развития, по мнению А. А. Зиновьева, сверхобщество — это безальтернативное будущее человечества.

5

Схематично изучив взгляд логической социологии на структуру предобщества и общества, обратимся теперь, опять же используя контовскую терминологию, к социальной динамике. Выше мы говорили, что социальная организация представляет собой все множество связей между объектами. Согласно теории автора, социальные связи внешне ничем не отличаются от физических. О них можно говорить, когда происходит контакт между двумя объектами, при котором происходит передача вещества, энергии или информации. Отличие состоит в том, что социальные связи должны быть сознательными, т. е. направленными на получение каких-либо благ. Другое отличие находится не в сущности, а видах связей. При изучении мира физических тел, как правило, стремятся найти причинно-следственные ряды. Но в социальной реальности порой бывает крайне сложно различить, что является причиной, а что следствием события. Более эффективно искать функцио-

нальные, структурные и генетические связи, позволяющие видеть социальный объект в его развитии.

Однако и естествознание, и социология желают найти во всем многообразии связей их частные случаи, называемые законами. Здесь мы подходим, возможно, к самой оригинальной части теории А. А. Зиновьева — пониманию социальных законов. Некоторая неожиданность его взгляда обусловлена хотя бы тем, что в современной интеллектуальной среде все меньше и меньше склонны говорить об устойчивых законах, неотвратно действующих в обществе. Если даже естествознание тяготеет к тому, чтобы утверждать статистическую и вероятностную природу законов природы, то что можно сказать о мире людей, где индивиды склонны менять свои решения по сотне раз за день? Но, принявшись за изучение логической социологии, мы договорились делать выводы не о личностях, чьи действия невозможно просчитать, а о социальных атомах — определенных моделях, составляющих своими действиями ткань общества. Если опираться на это аксиоматическое положение, то относительно законов вырисовывается более ясная картина.

С одной стороны, по мнению А. А. Зиновьева, социальные законы действуют неотвратно; их нельзя обойти или изменить, они существуют вне воли людей. С другой стороны, каждый социальный закон имеет конкретные условия своего действия и касается лишь ограниченного класса объектов. Казалось бы, можно утверждать, что законы универсальны в определенном месте и в определенное время, но не все так просто. Следует различать абстрактные законы, мысленно фиксируемые наблюдателем, и действительные законы, существующие в социальном бытии. В последнем случае все необходимые условия для действия законов никогда не выполняются, ибо сама реальность чрезвычайно изменчива. Ситуация осложняется тем, что в любом явлении скрещивается действие многих законов, переплетаются сами законы и их следствия, некоторые действующие лица из социальной действительности пытаются идти против законов или замалчивать их наличие. Все эти указанные факторы позволяют смягчить или скрыть действие социальных законов, но все равно они не могут их отменить. Конечно, здесь мы также имеем дело с моделью, но это не значит, что с ложной моделью. Найденный и сформулированный мысленно закон означает, что в реальном бытии присутствует определенная и неотвратимая тенденция. Мы уже встречались в логической социологии с несколькими положениями, подходящими на роль законов общества. Например, в некотором объекте, осуществляющем социальную деятельность, наблюдается разделение индивидов на

управляющих и управляемых. Или: власть в социальном объекте стремится подчинить своему влиянию все элементы системы. Сам А. А. Зиновьев в нескольких произведениях приводит такой пример: для устойчивого и успешного развития социальному объекту требуется наличие руководителя, чьи способности адекватны задачам данного образования. В противном случае объект обречен на деградацию и исчезновение. На этот довод кто-то весьма эмоциональный мог бы заметить: «У нас, мол, везде бездарные начальники, а система как стоит, так и стояла». Но речь идет не о всей системе, а о конкретных объектах, существующих во времени. Деградация объекта может проходить довольно длительное время; кроме того, начальника могут заменить на другого, саму структуру могут преобразовать, реорганизовать и т. д. Но никогда при неадекватном задачам и условиям руководстве объект не будет процветать. Указанная тенденция хоть и не всегда прослеживается эмпирически, но все же неотвратима.

Для того чтобы получить еще более ясное понятие о социальных законах, обсудим вопрос: можно ли их при желании нарушить? Часто таким образом пытаются проиллюстрировать законы природы или экономики: якобы их невозможности обойти или нарушить. На самом деле подобная экспликация неудачна не только в социологии, но и в указанных науках. Пытаться нарушить законы природы нам никто не может помешать, но такая попытка приведет к неудовлетворительному результату. Можно попробовать пропустить электрический ток по дереву; в лучшем случае это окажется бесполезным, в худшем — закончится пожаром. Точно так же обстоит дело с социальными законами. Люди постоянно пытаются их нарушить или обойти; более того, у А. А. Зиновьева встречается мысль, что одна из ключевых особенностей законов общества как раз и состоит в постоянных попытках индивидов их игнорировать. Еще чаще люди о них просто ничего не знают и поэтому поступают себе во вред. Нередко существование объективных законов отрицают, подключая для этих целей идеологию, сулящую скорейшее благоденствие на земле.

Социальные законы — это родовое проклятие человечества. Все общественные беды и конфликты происходят из того, что согласно важнейшему общественному закону социальное равенство между членами социума невозможно. На протяжении многих поколений люди были склонны обвинять в своих бедах монархов, тоталитарные режимы и идеологии, невежество правителей, олигархов, террористов и т. д. Но, как иронично замечает автор, настоящим тираном человечества являются именно социальные законы, ибо все указанные выше ужасы существуют в силу их действия.

Как же в таком случае открываются социальные законы? Согласно А. А. Зиновьеву, требуется наблюдать и анализировать действительность. Законы совершенно очевидны и даже элементарны, но люди не желают этого признавать. Им проще поверить в любую заумную теорию, но не в такой, например, элементарный закон, что любые правители стремятся сначала к собственному благу и лишь потом к благу их подчиненных. Или: из двух возможных траекторий поведения человек выберет ту, которая для него более выгодна, доходна или престижна. Кто-то скажет, что и тот, и другой пример слишком упрощают реальность: иногда люди готовы пренебречь выгодой ради идеальных мотивов. Но этот факт не отменяет действия закона, он просто показывает, как человеческое поведение может регулироваться сразу несколькими законами. Если идеологическая система общества ориентирует людей ставить духовное выше материального, то нет ничего удивительного в подобном поведении. Другой критик заметит, мол, приведенные примеры — элементарны и даже банальны. Но как раз об этом и говорит нам логическая социология А. А. Зиновьева: жизнь социальных атомов в социальных множествах весьма предсказуема и не должна вызывать удивления у исследователя.

Законов функционирования общества мы можем усмотреть огромное количество. В данном случае нам не интересны законы взаимодействия сложных социальных объектов. Более всего нас интересуют связи между индивидами, вынужденными жить в условиях социальных множеств. В этой части логическая социология ближе всего стоит к этике, т. е. учению об отношениях людей с точки зрения самой человечности. Кроме того, в этом пункте мы подходим к самым дискуссионным и в какой-то мере неожиданным выводам А. А. Зиновьева.

Как мы помним, в социальной организации общества выделяется деловой и коммунальный аспекты. Первый касается сферы труда, второй обозначает совокупность поступков индивидов, продиктованных тем, что их много. Взаимодействуя друг с другом, атомы так же подчиняются законам, как и любые иные социальные объекты. Эти законы автор выделяет в особый класс, называемый «законами экзистенциального эгоизма». Уже из самого обозначения понятно, что поведение людей в обществе далеко от идеального. А если принять во внимание, что люди всегда поступают сознательно, то их можно назвать также «законами рационального расчета». Мы не должны питать иллюзий относительно мотивов и целей социальных атомов. Индивид всегда преследует свой интерес. Он прекрасно понимает свое положение в обществе и желает его улучшить. Желания других людей он исполнит только в случае, если они помогают достижению его целей. Данный закон — самый

глубокий из всех, обуславливающих жизнь индивидов. Люди всегда знали, что согласно своей сущности человек желает получить удовольствие и избежать страдания. Иное поведение было бы для всех желательно, но никогда полностью недостижимо.

Законы рационального расчета наследуются индивидами биологически. Они — багаж, доставшийся нам от длительной эволюции. По сути они сводятся всего к нескольким нехитрым принципам: люди стремятся не действовать во вред себе, не позволяют другим действовать во вред себе, избегают ухудшения условий своего существования и пытаются их улучшить. При этом прослеживается закономерность: чем умнее и образованнее человек, тем вернее он станет следовать этим законам. Любое образование — это есть вид социализации, т. е. обучение человека жить по существующему стандарту. Напротив, тот, кто испытывает проблемы с адаптацией к социальной среде, может рискнуть пойти против них, но тогда его положение в обществе будет незавидным.

В произведениях А. А. Зиновьева можно найти следующие примеры действия законов рационального расчета, хорошо заметные в различных ситуациях:

индивид желает трудиться как можно меньше, а получать благ за свой труд как можно больше;

если социальному атому потребуется улучшить свое положение путем нанесения ущерба другим атомам, причем за это не последует наказания, он обязательно совершит такой поступок;

любая социальная группа стремится сделать индивида максимально зависимым от нее. Для этого у нее есть все средства, ибо от нее зависят всякие блага;

напротив: индивид стремится стать как можно более независимым от группы, найти источник дохода вне ее и использовать группу в своих интересах;

положение начальника считается лучше, чем положение подчиненных; труд его оплачивается лучше, он стремится к максимальному подчинению нижестоящих. Напротив, подчиненные стремятся к большей независимости;

при этом начальниками становятся, как правило, люди с ограниченными умственными способностями и с отсутствующим творческим началом. Руководство всегда стремится свести к минимуму риск и ответственность;

любой индивид, обладающий более или менее развитыми творческими способностями, которые выделяют его из общей массы, обречен на преследование со стороны своего окружения, ибо в нем видят угрозу сложившемуся порядку.

Самой яркой иллюстрацией общества, живущего по законам экзистенциального эгоизма, является знаменитое произведение А. А. Зиновьева «Зияющие высоты». Причем автор особо подчеркивал: эту книгу нельзя превратно понимать как критику советского режима. То, что случилось с героями, произошло бы с ними в любом окружении, будь то Запад или Восток. Возможно, на Западе их судьба была бы еще невыносимее, поскольку там бы включились механизмы финансового давления. Но всегда и везде незаурядные личности будут вызывать зависть, ненависть и агрессию у окружающего их большинства.

Как же нам оценить столь неожиданное понимание А. А. Зиновьевым закономерности поведения людей? Этическая мысль на протяжении всей истории своего существования, казалось бы, видела то же самое: человек несовершенен, зол, эгоистичен. Но всегда, за редким исключением, говорилось, что все эти характеристики вторичны; человек по своей сути иной. Он может стать добрым, милосердным и совершенным, а если может, значит — должен. В логической социологии, с первого взгляда, эгоистическая природа человека выглядит неизменной: из общества нельзя уйти, а значит, мы всегда обречены жить по законам рационального расчета. Это положение теории автора снова заставляет нас вспомнить то, с чего мы начали, разбирая обвинение всего учения в проповеди эгоизма.

Еще раз обратимся к методологическим основаниям логической социологии. Автор в самом начале своих исследований недвусмысленно утверждал, что отказывается от каких-либо оценок. Его теория направлена на исследование фактов, а не на их моральное истолкование и тем более проповедь. А. А. Зиновьев для большей ясности своей позиции приводит такую метафору: если ученый изучает муравейник, то он не должен защищать интересы какой-либо группы муравьев или предлагать проекты более справедливого устройства муравейника. Уже этот авторский постулат должен напрочь отмести обвинение в пропаганде эгоизма.

Но еще более важно другое, неоднократно упоминавшееся нами положение, уже не методологического, а эссенциалистского толка. В логической социологии речь идет не о поведении людей-личностей, а о взаимодействии социальных атомов — неких моделей. Именно они руководствуются законами рационального расчета, т. е. делают свое собственное существование столь неприглядным. А как же люди? Ведь в реальности мы сталкиваемся с ними, а не с социальными атомами, и желаем узнать об их жизни. В этом плане обвинение логической социологии в пессимистическом взгляде на

вещи может перерасти в обвинение в неадекватности. В чем же состоит заслуга А. А. Зиновьева, если вся его социология касается моделей и не говорит о реальной жизни?

На самом деле, как мы уже выясняли, любая социология имеет дело с моделями. Но эти модели выражают достаточно устойчивые тенденции, существующие в повседневности. На наш взгляд, социология А. А. Зиновьева имеет огромное значение именно в современном социальном контексте, именно для нашей столь стремительно меняющейся жизни. В наши дни жизнь обычного человека, как правило, поделена между существованием в социальной корпорации, где он реализует свои карьерные амбиции и стремится к повышению статуса, и на приватное личное бытие. Есть, конечно, редкие счастливые исключения — люди, обеспеченные всем от рождения и поэтому не обремененные тяжелым трудом. Но обычно превалирует другая тенденция: социальная организация не только контролирует сферу труда человека, но и все более активно вмешивается в его частную жизнь. Учиться, воспитывать детей, участвовать в политической и экономической жизни, отдыхать — все это требуется делать по определенным стандартам. Если раньше, в доинформационную эпоху, было абсолютно все равно, как человек проводит свободное от работы время, то теперь корпоративная мораль вторгается в частную жизнь человека, дабы малейшее отклонение от принятого стандарта не повредило имиджу компании. Иными словами, социальная реальность, где действуют законы рационального расчета, все настойчивее стремится регламентировать жизнь личности. Контроль общества свидетельствует, что человек незаметно для себя все больше становится социальным атомом.

Самое плохое состоит в том, что люди не просто ими становятся, но часто желают этого. То есть тревожная тенденция укрепляется не с помощью насилия, а с помощью свободного выбора миллионов тех, кто видит свое будущее в качестве винтика в системе успешных корпораций. И огромная часть населения уже настолько выросла в эту систему, что социальные атомы стали не моделью, а их сущностью. Они также добровольно, без вмешательства идеологий или информационных потоков, переносят деловые отношения в приватную сферу жизни. Как раз к ним, к таким людям-моделям, обращена социология А. А. Зиновьева, а также к тем, кто желает вступить на этот путь. Она предупреждает: прежде чем посвящать свою жизнь карьере, стоит узнать мир корпоративных, т. е. социальных отношений. Современные корпорации — это исключительное поле для эксперимента, где все социальные законы проявлены в чистом виде. И тот, кто желает в них вступить и

стремится вверх, должен быть готов отказаться от человеческих отношений и существовать по законам рационального расчета.

Но еще в большей степени знание социологии А. А. Зиновьева поможет тем, кто, находясь в трудных условиях корпоративного давления, все-таки желает остаться человеком. В таком случае он не станет питать иллюзий относительно происходящего вокруг. Он знает, например, что начальство всегда будет стремиться к абсолютной власти над ним, а ему самому все сложнее и сложнее придется противостоять этому давлению. Он понимает, что для установления такой власти над всеми начальство должно активно использовать систему доносов, поэтому его положение в корпорации зависит не от способностей, а от мнения о нем других сотрудников. Каждый его шаг по карьерной лестнице возможен только при условии пресмыкательства перед руководством, а повышение по службе потребует ущемить интересы своих коллег. При этом повышение в первую очередь выгодно начальству, а не только ему одному. Каждое его решение должно быть согласовано с многочисленным руководством, а решения руководства никогда не будут согласованы с ним и т. д. Если мы не желаем попадать в эту паутину, то где бы нам ни приходилось жить и трудиться, мы должны стремиться налаживать с окружающими не служебные, а человеческие отношения, основанные на взаимной помощи друг другу. И тогда модель социального атома останется лишь моделью, применимую к кому угодно, но только не к нам.

Но разве это возможно сделать? Разве мы способны вырваться из пут законов экзистенциального эгоизма? Не просто способны, но и обязаны. Человек — не только биосоциальное существо, как написано в популярных учебниках по социальной философии, но еще и духовное. Как раз последним аспектом учение А. А. Зиновьева также отличается от многих социологий. На протяжении всей истории люди не просто хотели вырваться из тисков социальных законов, но еще и придумывали для этого различные средства. Самым удачным изобретением такого рода стали социальные нормы. В отличие от законов они не наследуются биологически, а выдумываются людьми как раз ради защиты от бесчеловечных последствий законов. В частности, нормы морали указывали человеку иную, совершенную жизнь, свободную от гнета социальных установлений. Однако здесь мы покидаем пределы социологии и входим в область этики, которая также была построена А. А. Зиновьевым в виде особого учения о житии. Мы не будем подробно в него углубляться, ибо это — не наша тема. Укажем только те ее положения, которые имеют отношение к социологии.

Социальные атомы живут по законам рационального расчета. Но, как мы несколько раз повторяли, человек не сводится к социальному атому. Более того, тот, кто поймет законы, составляющие суть общественных отношений, не пожелает становиться их рабом. Социальная жизнь не годится для свободной личности, желающей развить свои творческие способности. В сущности, этика А. А. Зиновьева сводится к призыву пройти дорогу от сугубо социального существа до человека в подлинном смысле этого слова. Поэтому, если автор что-то проповедует, то именно те ценности, которые полностью противоположны законам социума. Они предполагают отказ от эгоизма и построение отношений людей на принципиально иных основаниях взаимной симпатии и сотрудничества. В противоположность основополагающему принципу социальной организации человек должен руководствоваться правилом: если для достижения личных выгод мне потребуются нанести ущерб другому, то я должен отказаться от этого поступка. Тем более от него отказаться, если я уверен, что он останется безнаказанным. Что касается самих благ, то автор призывает довольствоваться малым; что касается должностей — никогда не лезть в начальство: целеустремленно работать над наиболее интересными для себя вещами. В любом случае мы должны поступать согласно такому правилу: при распределении благ будь всегда последним, при распределении тягот и обязанностей — всегда первым.

В учении о житии А. А. Зиновьева, наиболее полно изложенном в произведениях «Евангелие для Ивана» и «Иди на Голгофу», можно найти целую систему различных норм и житейских правил. Однако тот, кто решит жить не по социальным законам, а согласно принципам самой человечности, должен быть готов к тому, что против него обратится весь социум. Ни одна корпорация не позволит, что бы кто-то желал жить не по ее законам, а по собственным нравственным убеждениям. Жестокость, с которой социум набрасывается на противостоящего его устоям индивида — один из основных сюжетов социальных романов А. А. Зиновьева. Человек, желающий жить по-человечески и быть независимой личностью, должен заранее согласиться на добровольное изгнание, т. е., говоря словами автора, стать отщепенцем. Но быть таковым — не означает соглашаться на униженное положение в обществе. Чтобы быть настоящим отщепенцем, следует считать себя не только независимым, но и ни в коем случае не ниже довлеющего социума. Творческий потенциал личности не меньше, чем всего общества, ибо населяющие социум атомы озабочены не стремлением к истине, а приобретением благ. В этом плане личность должна на-

учиться жить так, как живет общество: по внутренним законам, но законам автономным. Если подбирать параллели этой жизненной позиции из философской этики, то можно вспомнить линию, идущую от стоиков к И. Канту. Сам же А. А. Зиновьев формулирует ее в виде утверждения: «Я — независимое государство». Данную фразу автора цитируют все, кто упоминает имя А. А. Зиновьева. Но ее истинный смысл становится понятен только после сопоставления его логической социологии и учения о житии.

6

После краткого экскурса в логическую социологию А. А. Зиновьева становится очевидным, что она носит ярко выраженный этический характер. Начав с чисто научного описания по сути бесчеловечных условий существования людей, автор показывает, каких высот может достичь человек, желающий жить по-человечески. При этом нельзя сказать, что автор пессимистически смотрит на положение личности в мире. Тот, кто знает эти законы и понимает, как устроено реальное общество, уже готов жить в нем. Кроме того, во всех произведениях А. А. Зиновьева отчетливо видна вера в силу научного разума, вера в то, что человек, понимающий происходящее, очень силен и способен изменить мир. Пусть даже не мир в глобальном плане, но свой, узкий жизненный мир, сводящийся к ближайшему окружению, но достаточный для реализации собственных высших творческих способностей.

В нескольких произведениях А. А. Зиновьева встречается одна замечательная сюжетная линия. Герои, не сумевшие найти себе места в окружающей реальности, решают организовать научный семинар. Сначала они воспринимают свое занятие просто как отвлечение от повседневного тяжелого быта, но затем, по мере вовлечения в совместный исследовательский процесс, они понимают, что их положение в жизни не столь безнадежное. Если правильно понять основные механизмы жизнедеятельности общества, то можно, проявив некоторую настойчивость, изменить свое положение. А если дойти до понимания самого смысла социальности, то станет очевидным: человек может по-настоящему жить независимо от своего статуса и положения в обществе. При желании, используя свои знания, человек может приблизиться к социальной элите, но ему это совершенно не требуется, ибо грозит потерей свободы. Его привлекает другое — свободно понимать и свободно жить. Наверное, это и есть самое краткое выражение сути социальной философии А. А. Зиновьева.